

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНОВ

УДК 338.984 (470.1)

В. Н. Лаженцев

РЕСПУБЛИКА КОМИ НА РУБЕЖЕ XX И XXI ВЕКОВ (проблемы социально-экономического развития)

В статье анализируются проблемы социально-экономического развития Республики Коми в первом десятилетии XXI в. Выделены проблемы переходящего характера (демографический кризис, старение основных фондов, диспропорции воспроизводства) и новые, связанные с реорганизацией систем управления собственностью и производством, дифференциацией доходов и расходов населения, нарушением принципов экономического федерализма, финансовым кризисом. Решение проблем увязано с инновационным развитием производительных сил республики и укреплением межрегиональной экономической интеграции.

Ключевые слова: юбилей Республики Коми, историческое наследие, демография, материально-техническая база и организация производства, социальная стратификация, экономический федерализм, финансовый кризис, инновации будущего

В августе 2011 г. Республика Коми отмечает 90-летие своей государственности. Положение республики как «государства в государстве» в определенной мере влияет на выбор подходов к анализу социально-экономического развития. Больше внимания приходится уделять политико-экономическим аспектам, особенно экономическому федерализму, проблемам собственности, взаимоотношениям по линиям Центр — регион, регион — регион, предприятие — регион, население — регион.

Разнообразие форм собственности и согласование интересов многочисленных хозяйствующих субъектов выступают в условиях рыночной экономики в качестве законов общественного развития. Притом следует исходить из того, что и само государство, а тем более муниципальные образования (органы местного самоуправления) и другие территориально-общественные структуры также являются субъектами хозяйствования. Актуальность рационального использования национального богатства и региональной субфедеральной, муниципальной и общественной собственности, употребление властных полномочий для согласования частных и общественных интересов

особенно ярко проявилась именно на рубеже XX и XXI вв.¹

Когда речь идет об историческом периоде первого десятилетия XXI в., то невольно возникает мысль обозначить его — «от дефолта августа 1998 г. до кризиса, начавшегося в 2008 г.». Это в какой-то мере правильно, поскольку социально-экономические стрессы весьма ярко фиксируют высокую роль государственной власти и местного самоуправления в решении сложнейших вопросов общественного характера. Но с другой стороны, важно понять и нормативно зафиксировать базовые позиции экономики и социального развития в периоды положительной динамики, например, в 2001–2007 гг. Такие времена люди воспринимают с надеждой на совершенствование общественного устройства на основах демократии, на повышение качества и уровня жизни, а властное и хозяйственное управление стремится выразить свой оптимизм в соответствующих политических декларациях, пос-

¹ Идеи экономического разнообразия и согласования интересов на основе социальной кластеризации весьма ярко и по-новому освещены в книге академика РАН В. Л. Макарова [3].

ланиях, концепциях, стратегиях, программах и прочих документах.

И еще об одной исходной позиции: в годы динамичных общественно-политических и экономических перемен большинство населения живет как бы в двух пространственно-временных измерениях: первое — инерционное, связанное с переносом привычного из прошлой жизни в настоящее; второе — неосознанная реальность и запоздалая реакция на крутые преобразования. На то что в 1991–1992 гг. в России совершилась буржуазно-демократическая революция, мало кто обратил внимания; даже 20 лет спустя многие об этом не задумываются и воспринимают данную историческую реальность лишь на бытовом уровне (работа, заработная плата, образование, здоровье, домашнее хозяйство); власть же не оценивается как политическая система, соответствующая капиталистическому способу производства, а ассоциируется лишь с речами и действиями конкретных руководителей. Более свежий пример: в декабре 2008 г. — январе 2009 г. «большинство руководителей муниципальных образований не воспринимало кризис как острое явление, а относилось к нему как к обычному текущему событию. Лишь 15% остро чувствовали его угрозы» [4, с. 13].

Исторические линии в организации хозяйства и региональном управлении

В принятии управленческих решений и соответствующем их научном обосновании значительную роль играют традиционные идеи комплексного гармоничного развития производительных сил, эффективного территориального хозяйствования, политического и экономического суверенитета и социальной справедливости. Как бы ни были сильны мотивы рыночных преобразований, перечисленное остается в качестве организующего начала.

Комплексность понимается по-разному: ошибочно, когда она трактуется как принцип «как можно больше»; правильно, если она рассматривается как динамическая согласованность функций хозяйственной системы и ее структуры. Принцип системной организации отдельных элементов производительных сил в единое целое оставил заметный след еще и потому, что природные богатства Республики Коми, начиная с 1970-х гг., стали основой формирования Тимано-Печорского территориально-производственного комплекса — единицы народного хо-

зяйства страны, специально введенной в русло программно-целевого планирования.

Ранее речь шла о согласовании векторов хозяйственной деятельности министерств и ведомств, теперь — фирм, организованных в виде акционерных обществ, холдингов и корпораций. В условиях разнообразия форм собственности следует признать объективную целесообразность перевода узловых проблем комплексного развития производительных сил регионов с государственного уровня в систему фирменных стратегий. Так произошло с программами оптимизации структуры Печорского угольного бассейна, Тимано-Печорской нефтегазоносной провинции, Тимано-Уральского горнопромышленного и Вычегодского лесопромышленного комплексов и других территориально-отраслевых системам. Территориально-производственные комплексы в условиях рыночной экономики и кластеризации производственно-технологических и социальных отношений можно было бы рассматривать в виде своеобразных квазикорпораций [1].

Государственными же остались три важнейшие задачи: 1) посредством лицензионных и других соглашений ориентировать фирмы на комплексное использование природных ресурсов и гармоничное социальное развитие территорий; 2) развивать инфраструктуру общего пользования; 3) инициировать разработку и реализацию научно-технических программ и соответствующих инноваций, создающих основу для новых точек роста производительных сил.

Важно понять сущность переноса из прошлого в настоящее идей эффективного территориального хозяйствования. Дело в том, что региону как социально-экономической системе и как властно-политическому субъекту Федерации необоснованно приписываются качества всеобъемлющего хозяйствующего субъекта, результатом деятельности которого являются якобы такие интегральные макроэкономические показатели, как внутренний региональный продукт, стоимость ввоза и вывоза, сальдо совокупных доходов и расходов в сводном финансовом балансе и др. Такой подход дает положительные результаты в части совершенствования статистики, но отрицательные — в части развития общественных форм производства: концентрации, специализации, кооперирования, комбинирования и — особенно — интеграции. Кроме того, пространственная

дезинтеграция — это результат и чрезмерного стремления руководства отдельных регионов к экономической автономизации.

На самом же деле регион в целом никогда не достигал (и не достигнет) статуса хозяйствующего субъекта. Последним может быть только распорядительный центр, имеющий экономическую ответственность, хозяйственную заинтересованность, внутреннюю связность. Основой деятельности таких центров является собственность. Центры общего управления имеют в своем распоряжении региональную собственность (земля, природные ресурсы, имущественные комплексы, бюджеты и внебюджетные средства). Ее воспроизводство и получение на этой основе дополнительных доходов — это и есть цель территориального хозяйствования [2].

Экономическая самодостаточность в первой половине 1900-х гг. стала рассматриваться соподчинено с политическим и экономическим суверенитетом. Декларации о государственном суверенитете отдельных республик предполагались в качестве политической платформы коренного изменения принципов и методов регулирования развития хозяйства. В настоящее время, когда выстроена вертикаль государственной власти, урегулирован конституционный порядок взаимодействия Федерации и ее субъектов (хотя и с определенными изъятиями), снята угроза раскола России на отдельные «суверенные регионы» — можно было бы осудить подобные декларации как скрытую (а местами и явную) форму сепаратизма. Однако нельзя не признать и значение объективного смысла идей подобной экономической самостоятельности. В те годы этот смысл выражался в некотором сопротивлении регионов революционному реформированию экономики и сопутствующему кризису, выработке дополнительных контрмер, тормозящих процесс разрушения экономики. В настоящем — в раскрепощении деятельности по поводу реализации конституционных прав субъектов Федерации и органов местного самоуправления, равноправия федеральных и региональных сторон в своих взаимоотношениях.

С научной точки зрения интерес представляет своеобразное противостояние политических и экономических начал региональной самостоятельности. Политические амбиции к расширению сферы деятельности регионов и переносу норм централизации государственного управле-

ния с федерального на субфедеральный уровень всегда натывались на трудности реальной экономики. Так, в Республике Коми в свое время это проявилось в разбалансированности хозяйства, его технической отсталости, нерентабельной работе почти половины промышленных предприятий, низком уровне подготовки к освоению новых месторождений полезных ископаемых и другом негативе.

И в настоящее время фактор риска для региональных структур власти заключается в опасности связать себя обузой малоэффективной экономики. Такой фактор стал проявляться в основном в сфере управления собственностью. Поэтому приватизация играла роль не только политического рычага закрепления позиций рыночных отношений, но и своеобразного экономического механизма снижения ответственности государства перед населением.

Здесь уместно напомнить о научных рекомендациях. В начале 1990-х гг. был предложен особый режим приватизации, а именно, закрепление контрольных пакетов акций базовых предприятий на определенный срок за государством для предотвращения резкого свертывания производства. Предлагалось также расширить права трудовых коллективов предприятий в выборе форм и методов приватизации; взять курс на формирование крупных производственных структур типа холдинговых и финансово-промышленных корпораций межрегионального характера; малое предпринимательство развивать в общей системе организации производства с учетом возможностей его диверсификации.

Пример Республики Коми показывает, что политика реформирования пошла по другому пути с полным отключением государства от управления нефтяной и газовой промышленностью, лесным комплексом, энергетикой. Лишь предприятия Печорского угольного бассейна частично оставались на несколько лет в системе государственной собственности, что позволило сдерживать негативное влияние ряда рекомендаций зарубежных наставников по свертыванию в России угольной промышленности. Были и другие, на наш взгляд, разумные предложения в части эволюционного реформирования экономики, в том числе и сельского хозяйства. Особое внимание обращалось на необходимость соблюдения паритета цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию, развития новых форм кооперации и интеграции в системе АПК, учета

не только производственных функций села, но и экологических, этнокультурных и духовных.

Необъяснимое отторжение научных рекомендаций руководителями регионального звена государственного управления, да и сами факты кризиса социально-экономического развития регионов указывают на ограниченные возможности реализации идей их экономической автономности, если в ее рамки включать все составные части общественного воспроизводства. В конечном итоге оказалось, что такого рода идеи вполне правомерно трансформировать в практику лишь в рамках региональной собственности, в первую очередь финансово-бюджетной сферы. Путь к самодостаточности территориальных бюджетов весьма труден, но именно он становится основным предметом региональной политики.

Опыт республики и других регионов можно оценить еще в одном аспекте — организационно-экономическом. Если допустить, что научные рекомендации начала 1990-х гг. были бы реализованы, то все равно в итоге экономика нашей страны пришла бы к существующей ныне организационной структуре производства и финансово-банковской сферы: полное преобладание частных компаний, неустойчивое положение частно-государственных корпораций и незначительная доля унитарных (казенных) предприятий; ключевая роль пяти-шести банков с разветвленной сетью филиалов и частичное (но правомерно неполное) слияние финансового и промышленного капитала. Итог один и тот же, но экономические и социальные издержки фактически выбранного пути оказались чрезмерно выше, чем могли бы быть.

Региональный аспект социальной справедливости применительно к северным территориям заключается в определении и исчислении гарантированных населению выплат, компенсирующих дополнительные затраты на жизнеобеспечение в трудных природных условиях. Региональные коэффициенты к заработной плате и стажевые надбавки всегда воспринимались северянами как должное и не зависели от политической конъюнктуры. Поэтому когда появились попытки со стороны некоторых структур федеральной власти отказаться от такого рода компенсаций, как будто бы не соответствующих условиям рынка, так сразу же возникла волна протеста всего северного сообщества, включая и органы государственного управления. Активно

ведется также работа по урегулированию пенсионного обеспечения и финансирования программ частичного переселения людей из районов Крайнего Севера.

Вместе с тем следует отметить не только «северные аспекты», но и общие начала социальной справедливости. Нельзя не заметить, что во все времена и во всех странах политическое руководство выступало и выступает от имени народа в его же благо. Так, КПСС имела главный лозунг «все для человека, все на благо человека», буржуазно-демократическое руководство России 1990-х гг. придерживалось курса «экономической свободы, равенства и нового социального порядка»; в настоящее время — «народосбережения и роста благосостояния в процветающей России как социальном государстве». Но благие социальные намерения во всех отмеченных проявлениях перекрывались реальным экономическим детерминизмом: либо производство ради производства, либо производство ради прибыли.

Первое десятилетие XXI в. с исторической точки зрения интересно именно тем, что в общественном сознании и государственной политике многих стран социальное развитие получает приоритет относительно экономического. Попытки придерживаться такого правила стали предприниматься и в России.

Население и демография

Для республики характерны северные черты условий хозяйствования и жизни: относительно климатический дискомфорт, высокий минерально-сырьевой, но низкий биоклиматический потенциал, периферийное положение, объективно низкий уровень освоенности территории, этнокультурная специфика.

Максимальная численность населения в Республике Коми была в 1989 г. — 1251 тыс. чел. Затем она неуклонно снижалась и по переписи 2010 г. составила 901,6 тыс. чел. (снижение на 349,4 тыс. чел.; за период 2001–2010 гг. — на 140 тыс. чел. (табл. 1¹). Это произошло по трем причинам:

— демографический кризис — снижение рождаемости и рост смертности;

¹ Сведения, приведенные в таблицах, заимствованы или рассчитаны по сборникам Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Коми. Автор приносит большую благодарность его руководителю Владимиру Яковлевичу Сквозникову за предоставленную возможность анализа статистики.

Таблица 1

Оценка численности населения Республики Коми на начало года*

Год	Все население, тыс. чел.	Городское, тыс. чел.	Сельское, тыс. чел.	Городское, % к общей численности	Сельское, % к общей численности
2001	1042,9	784,9	258,0	75,3	24,7
2006	985,0	744,5	240,5	75,6	24,4
2010*	908,5	698,1	210,4	76,8	23,2
2011	899,7	693,2	206,5	77,1	22,9
2011 в % к 2001	86,2	88,9	80,0	—	—
2011 в % к 2006	91,3	93,1	85,9	—	—

*Оценка с учетом предварительных итогов Всероссийской переписи населения в ноябре 2010 г. (901,6 тыс. чел.).

— производственная — сокращение числа рабочих мест и вынужденный выезд за пределы республики;

— социально-политическая — организованное переселение «избыточного» населения из районов Крайнего Севера, в основном Воркуты и Инты.

Статистика показывает, что примерно 95% в сокращении численности населения составляет отрицательная миграция, а 5% — естественная убыль. Однако если допустить сохранение коэффициента естественного прироста населения на уровне 7,7% (1989 г.), то в таком случае оба фактора (и миграция, и естественное движение) следовало бы оценить как равнозначные. Хотя такого рода допущение носит весьма условный характер, но именно оно более всего отражает реальный характер демографического кризиса. Заметим также, что внутриреспубликанская и внешняя (относительно республики) миграция в 2010 г. имели примерно одинаковые доли: 53,4 и 46,6% соответственно. Результатом первой является более ускоренное сокращение сельского населения, второй — общего, как сельского, так и городского. Сальдо внешней миграции было отрицательным и составило в 2000 г. — 11305 чел., в 2005 г. — 8630 чел. Колебание в сторону роста или снижения сальдо миграции отражает экономическую ситуацию, а именно кризисную до 2001 г. и начиная с 2008 г.

С 1980-х гг. в нашей стране эффективность демографической политики была весьма низкой; у населения не формировались нужные обществу репродуктивные установки. Кризис в экономике, сокращение рабочих мест привели к массовому оттоку населения, сокращению притока молодых, образованных кадров. Переход на рыночные отношения больше всего отразился на социальной сфере, в том числе и на здравоохранении, как результат — резкий рост смертности. Неуверенность в «завтрашнем

дне» привела к резкому ухудшению здоровья населения, росту числа самоубийств, психических заболеваний.

В последние годы демографическим проблемам государство стало уделять повышенное внимание. Были приняты приоритетные национальные проекты; один из них касается непосредственно демографии. Уровень превышения смертности над рождаемостью резко снизился, но этот баланс по-прежнему остается отрицательным.

Демографические процессы следует рассматривать в контексте региональной специфики. Для Республики Коми характерны:

— повышенная урбанизация (76% населения проживает в городских поселениях и оно исторически ориентировано на малочисленность состава семей, в том числе по условиям плотности проживания);

— влияние природно-ресурсной цикличности на динамику численности занятых и населения в целом (наибольшее сокращение числа жителей наблюдается в центрах добывающей промышленности);

— сдвиги в половозрастной структуре населения (стали преобладать женщины, их доля в 1990 г. была 50%, а в 2010 г. — 53%. Это произошло за счет изменений в группе старше трудоспособного возраста; в ней доля женщин составляла 75%, в то время как в группе трудоспособного возраста — 48, а еще моложе — 49%;

— старение населения (доля лиц в трудоспособном возрасте за последние 10 лет уменьшилась на 8%);

— в составе населения национальность коми устойчиво сохраняет свою позицию в общей численности населения республики на уровне 23–25%, что дает основания серьезно заниматься совершенствованием северных типов хозяйств, связанных с особенностями этнокультурного развития;

— в некоторых районах доля коми населения достигает 60% при 25 в среднем. В них более успешно развиваются традиционные промыслы, охота и оленеводство. В республике поголовье оленей составляет 84 тыс. голов — это немало, хотя, заметим, что в 1950 г. — их было 211 тыс.

Трудовые ресурсы и занятость

Наиболее сложными здесь являются вопросы общей и структурной динамики, совмещения качества рабочих мест и уровня квалификации работников, согласованности развития сфер экономики и подготовки кадров.

Сокращение экономически активного населения идет за снижением его общей численности, но чуть в иной динамике (табл. 2). Это можно объяснить половозрастными сдвигами в структуре постоянно проживающего в республике и мигрирующего населения. Главное же заключается в весьма высокой доле экономически неактивного населения: соотношение «активного» и «неактивного» было в 1992 г. — 77 : 23, 1995 г. — 72 : 28, 2000 г. — 67 : 33, 2005 г. — 69 : 31, 2010 г. — 71 : 29.

Основной причиной роста абсолютной и относительной «неактивности» является безработица. Особую остроту такая ситуация имеет в сельской местности. Преобладающей в численности безработных в кризисные 1990-е гг. была возрастная группа 30–49 лет, наиболее плодотворная в трудовом отношении: 1992 г. — 34%, 1995 г. — 50%, 2000 г. — 50%, но 2005 г. — 24%, 2008 г. — 14%, в 2009 г. (год пика финансового кризиса) — 21%, в 2010 г. — 15%. Более половины безработных составляют люди, имеющие начальное профессиональное и среднее общее образование.

Нельзя не обратить внимание на различие в динамике общей и зарегистрированной безработицы. Госстат по Республике Коми ведет социологические опросы с фиксацией пяти способов поиска работы: 1) обращение в государственную и коммерческую службы занятости; 2) подача объявлений в печать, отклик на объявления; 3) обращение к друзьям, родственникам и знакомым; 4) непосредственное обращение к администрации/работодателю; 5) другие способы. Растет доля второй, третьей и четвертой группы. У людей все меньше надежды на трудоустройство через систему государственных и коммерческих служб занятости не потому, что последние плохо работают, а по причине несо-

Таблица 2

Численность экономически активного населения, занятых и безработных в Республике Коми, 2000–2010 гг., тыс. чел.

Показатели численности	2000	2005	2010
Численность населения в возрасте 15–72 лет	815,6	798,0	766,4
Экономически активного населения	547,7	547,0	547,1
Занятых в экономике	481,8	483,9	490,9
Экономически неактивного населения	267,9	251,0	219,3
Безработных	65,9	63,1	56,3

падения качества спроса и предложения на организованном рынке труда. Квалификационные требования повышаются, растет спрос лишь на определенные профессии, возрастает избыток невостребованных профессий.

В государственную службу занятости чаще обращаются женщины. Для этого есть разные причины. Одна из важнейших — снижение спроса на труд в сфере промышленного и сельского хозяйства и повышение в торговле и финансовых организациях, где женщины в численности традиционно преобладают.

В периоды экономического кризиса 1990-х гг. и последующей стабилизации на первый план трудоустройства выходят «удобные» рабочие места, не требующие высокой квалификации. Доходных рабочих мест с высоким уровнем организации умственного труда явно не хватает, что ведет к деквалификации инженеров, техников и рабочих. При таких обстоятельствах главенствующую роль в обеспечении семейного бюджета нередко играют именно женщины, более приспособленные к «удобным» рабочим местам; значительная же часть мужчин уходит в частный извоз, мелкий ремонт или же остаются без работы. Без целенаправленного развития инновационной экономики, глубокой диверсификации производства с адекватным уровнем подготовки кадров такого рода замкнутый круг не разорвать.

Производственные фонды

Экономическая оценка производственных фондов ради быстрее их приватизации и укрепления позиций рынка оказалась в 1990-х гг. настолько бестолковой и противоестественной, что даже спустя 20 лет статистические показатели об этой части производительных сил ни о чем не говорят. Расчет, например, фондовооруженности и фондоотдачи потерял реальный смысл.

Таблица 3

Структура и динамика основных фондов Республики Коми по видам экономической деятельности, объединенных в две группы (2006–2009 гг.), %

Группа отраслей	Структура	Рост за год	Степень износа
Отрасли, производящие товары	28,6/29,6	107,5/106,0	38,6/59,3
в том числе добыча полезных ископаемых	16,3/17,8	107,9/107,4	37,7/53,8
Отрасли, отказывающие услуги	71,4/70,4	103,1/104,3	59,3/61,2
в том числе:			
транспорт и связь	54,6/55,1	105,9/103,5	67,3/67,3
торговля	0,9/0,8	111,4/109,4	36,6/39,0
финансовая деятельность, операции с недвижимостью, аренда и предоставление услуг	10,5/8,5	100,1/115,4	33,0/37,0
образование, здравоохранение и предоставление социальных услуг	4,0/5,4	106,1/112,5	45,0/51,0

Переоценка основных фондов была и остается организованной крайне плохо — без научного подхода к процессам накопления и воспроизводства капитала, с запаздыванием относительно инфляции на 2-3 года. Позиция производственных фондов в системе общественного воспроизводства остается крайне заниженной: нет внятной амортизационной политики и уже давно не проводятся расчеты нормативов запасов товарно-материальных ценностей.

Стабилизация работы предприятий основных отраслей хозяйства до кризиса 2008 г. давала все же возможность более или менее объективно оценить структурные показатели, индексы физического объема и коэффициенты динамики фондов.

Так, весьма высокую долю в фондах республики имеют транспорт и связь, что еще раз подчеркивает значение ее транзитных функций. Отмечается положительная динамика в росте физического объема основных фондов, обусловленном вводом новых мощностей в минерально-сырьевом комплексе, строительстве, торговле, сфере операций с недвижимостью и госуправлении (табл. 3).

Уровень обновления и выбытия фондов однозначно оценить нельзя; в 2001–2010 гг. реализованы крупные проекты модернизации целлюлозно-бумажной (Сыктывкарский ЛПК), нефтеперерабатывающей (Ухтинский НПЗ), газоперерабатывающей (Сосногорский ГПЗ) и частично угольной промышленности (Воркутауголь), увеличились мощности горнодобывающей и деревообрабатывающей промышленности, организовано деревянное домостроение, добыча бокситовых руд; однако в тех же и других отраслях все еще остается много старого оборудования и ветхих сооружений,

что видно из данных о высокой степени износа основных фондов. Сооружения, машины и оборудование, транспортные средства изношены более чем наполовину. Удельный вес полностью изношенных основных фондов в республике составил в 2006 г. 15,4%; в 2009 — 13,7%; от 4,9% (5,3) — здания до 24,6% (19,1) — транспортные средства. Транспорт стал в социальном и экологическом отношении весьма опасным. Вместе с тем из Западной Сибири по трубопроводам через республику прокачивается около 120-130 млрд м³ газа. Значение обеспечения транзита газа многократно возрастает в связи со строительством новой системы газопроводов «Ямал — Запад». Развитие производственной специализации и транзита становится единой задачей в случае окончания строительства железнодорожной магистрали Архангельск — Сыктывкар — Соликамск (Белкомур).

Научные рекомендации по управлению процессами развития материально-технической базы производства касаются в основном амортизации и инноваций на основе научно-технических достижений.

В пике экономического кризиса 1990-х гг. амортизация падала до уровня 10–12% от ее реальной величины. Но и начисленная амортизация в значительной мере «проедалась», то есть шла на пополнение оборотных средств, на выплату дивидендов и на другие цели, но не на техническое перевооружение. Доля амортизации в капитальных вложениях в основной капитал составляла 15–20%; лишь в 2008 г. она поднялась до 34%, а затем (под влиянием финансового кризиса) вновь снизилась до 16% в 2009 г. и 21% в 2010 г. В развитых странах с их обширной финансово-кредитной системой эта доля составляет 55–60%.

Парадокс с амортизацией заключается в том, что выявление ее реальной величины и использование по назначению приведет к росту «промежуточного потребления» и снижению объема «чистой продукции» из-за объективно необходимого увеличения затрат на обновление основных фондов. Поэтому необходимо преодолеть иллюзию предпочтительного роста ВВП (ВРП) как показателя общего экономического благополучия.

Наши предложения заключаются в том, чтобы проводить жесткую амортизационную политику. Это будет продуктивно, если на базе амортизации и некоторых других финансовых ресурсов предприятия откроют в банках специальные счета, средства которых могут использоваться только на капитальное строительство, модернизацию и внедрение новой техники.

На практике же, когда изначально ставится задача удвоения ВВП в течение 10 лет, а затем идет поиск путей ее решения любой ценой, то невольно возникает политический умысел — повременить с наведением экономического порядка в процессах воспроизводства основных фондов. Здесь уместно заметить: экономической фетишизм заключается и в том, что роль некоторых показателей уровня социально-экономического развития чрезмерно отрывается от реальных процессов жизни. Это относится и к ВВП, величина которого обусловлена не только выпуском товаров и оказанием услуг, но и системой налогообложения, таможенной политикой, банковскими и тому подобными операциями, «игрой» цен и т. д.

Производство и потребление

И все же в системе национальных счетов производство и потребление фиксируются, главным образом, через объем, динамику и структуру валового регионального продукта (ВРП) (табл. 4).

Данные табл. 4 свидетельствуют о положительной динамике производства после дефолта августа 1998 г., о высоком росте цен производителей и сохранении инфляционного потенциала, а также о более существенном росте ВРП на душу населения за счет сокращения его численности.

Структура производства ВРП по видам экономической деятельности в Республике Коми примечательна тем, что она отражает ее хозяйственный профиль наиболее ярко, чем другие показатели, а именно: решающую роль сырьевого

Таблица 4

Объем и динамика валового регионального продукта Республики Коми в период 1998–2009 гг.

Показатель	1998	2000	2002	2005	2009
ВРП в текущих ценах, млрд руб.	29,1	59,5	86,0	173,0	301,4
ВРП в сопоставимых ценах 1998 г., млрд руб.	29,1	30,8	32,1	36,5	39,2
Рост ВРП в сопоставимых ценах, %	100,0	105,8	110,3	125,4	134,5
ВРП на душу населения в текущих ценах, тыс. руб.	26,8	56,6	84,1	174,6	314,4
ВРП на душу населения в сопоставимых ценах 1998 г., тыс. руб.	26,8	29,1	31,2	36,6	140,9
Рост ВРП на душу населения в сопоставимых ценах, % к 1998 г.	100,0	108,6	116,4	136,6	152,6

Таблица 5

Структура валового регионального продукта по видам экономической деятельности, в 2005 и 2009 гг., в %

Группа отраслей	2005	2009
Отрасли, производящие товары,	58,8	56,0
в т. ч. добыча полезных ископаемых	34,3	29,0
Отрасли, оказывающие услуги,	41,2	44,0
в том числе: транспорт и связь	12,6	9,0
торговля	9,1	9,0
финансовая деятельность, операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	9,1	10,0
образование, здравоохранение и предоставление социальных услуг	5,9	8,0

сектора, главным образом, добычи нефти, и это результат, пожалуй, не столько уровня организации труда и его производительности, сколько динамики цен на мировом и отечественном рынках (табл. 5).

В табл. 6. показано производство основных видов продукции с характерными колебаниями, обусловленными как естественной динамикой добычи полезных ископаемых, так и конъюнктурой рынка.

Заметим, что рыночные преобразования привели к весьма существенным изменениям в экономическом статусе регионов России. В годы плановой экономики «чистый продукт» оседал в центре, но и в значительной мере в регионах с развитой обрабатывающей промышленностью. В то время межрегиональные финансовые взаимоотношения были организованы так, что можно было наблюдать ярко выраженную эксплуатацию сырьевых регионов со стороны обра-

Таблица 6

Производство основных видов продукции по Республике Коми

Виды продукции	ед. изм.	2000	2005	2010	2010 в % к	
					2000	2005
Электроэнергия	млн кВт·ч	7889	8409	9228	117,0	109,7
Тепловая энергия	млн Гкал.	19	20	19	100,0	95,0
Уголь	тыс. т	18402	12936	13600	73,9	105,1
Нефть, включая газовый конденсат	тыс. т	8181	11204	13100	160,1	116,9
Естественный газ	млн м ³	3851	3467	3300	85,7	95,2
Деловая древесина	тыс. пл. м ³	5746	5115	5232	91,0	102,3
Бумага	тыс. т	460	600	725	157,6	120,8
Фанера клееная	тыс. м ³	175,1	322,0	291,2	166,3	90,4
Плиты ДСП	тыс. усл. м ³	207,5	273,2	306,0	147,5	112,0
Плиты ДВП	млн усл. м ²	20,8	27,6	17,2	82,7	62,3
Скот и птица на убой	тыс. т	24,1	23,8	28,7	119,1	120,0
Молоко	тыс. т	105,9	78,6	62,3	58,8	79,3
Яйца	млн шт.	172,8	176,2	167,6	97,0	95,1

батывающих. Сейчас ситуация иная: финансовые ресурсы еще в большей мере идут в центр, но и в значительной мере остаются в регионах минерально-сырьевой и топливно-энергетической промышленности. Это более справедливо, чем было когда-то.

Но появилась несправедливость другого характера, когда чрезмерно высокий экономический статус получают регионы, в которых концентрируются учреждения финансово-банковской сферы и «головного» управления крупными компаниями и холдингами. В Республике Коми на одного человека, занятого в операциях с недвижимостью, производится ВРП больше в 1,5 раза, чем в обрабатывающих отраслях промышленности, и в 7,2 раза, чем в образовании. Это, конечно, противоречит пониманию общественного значения труда представителей разных профессий и требует реформирования распределительных отношений [5].

На всех этапах новейшей истории нашей страны в ущербном положении находились (и находятся) сельское и лесное хозяйство и, соответственно, районы данной специализации. Ценовая политика такова, что на одного занятого в этих отраслях производится ВРП меньше в 3 раза, чем в целом по хозяйству республики, в 14 раз, чем в добыче полезных ископаемых, и в 5 раз по сравнению с операциями с недвижимостью. При такой дискриминации неизбежна деградация производственного потенциала аграрного сектора — земельного, материально-технического, кадрового. Доля местного производства в структуре потребления мяса и мясopодуктов снизилась за период 1990–2006 гг. с 42,9 до 25,9

(2009 г. — 25), молока и молокопродуктов — с 41,4 до 28,4 (2009 г. — 27%), яиц — с 99,6 до 68,2% (2009 г. — 68%); инвестиции в основной капитал сельского хозяйства в общей сумме инвестиций в экономику республики снизились за период 1990–2010 гг. с 5,7 до 0,2%, посевные площади в хозяйствах всех категорий сократились со 100 до 40,5 тыс. га, поголовье крупного рогатого скота со 173 до 39 тыс. гол., в т.ч. коров со 71,0 до 18, свиней со 136 до 25, оленей со 124 до 81 тыс. гол. Парк тракторов всех марок в сельхозорганизациях уменьшился с 6778 до 971 ед. Начиная с 1990-х гг. отмечается постоянное опережение роста цен на энергоресурсы, сельхозтехнику, минеральные удобрения, комбикорма и т. д. по сравнению с сельхозпродукцией, сокращение уровня государственной поддержки; 35–40% сельхозорганизаций убыточны. Ценовой диспаритет — одна из основных причин отсталости и лесозаготовительной промышленности, хотя ее экономические характеристики не столь удручающи, как характеристики сельского хозяйства. Преодоление указанного дисбаланса явилось бы важным фактором стабилизации социально-экономической ситуации в сельской местности.

Пропорции использования ВРП отражают устойчивые позиции валового накопления и инвестиций в основной капитал, но заметный рост расходов на конечное потребление (табл. 7). Это стало возможно за счет снижения вывоза и увеличения ввоза товаров и услуг в республику. Сальдо вывоза и ввоза остается положительным, однако его позиции за период 2000–2009 гг. снизились на 16%, в абсолютном объеме (в ценах

2000 г.) — в 3,3 раза. Основная причина данного процесса — рост зависимости республики от внешнего продовольственного обеспечения.

Некоторые показатели потребления достаточно достоверно отражают состояние эконо-

Таблица 7

Показатели использования валового регионального продукта Республики Коми, в текущих ценах и процентах

Показатель	2000		2005		2009	
	млрд руб.	%	млрд руб.	%	млрд руб.	%
Валовой региональный продукт	59,5	100	171,3	100	301,4	100
Фактическое конечное потребление домашних хозяйств	28,9	49	105,5	59	174,5	58
в том числе за счет: расходов домашних хозяйств	23,8	40	84,8	50	143,4	48
социальных трансфертов в натуральной форме	5,1	9	15,7	9	31,2	10
Валовое накопление основного капитала (включая прирост ценностей)	18,0	30	54,4	32	113,0	37
из него инвестиции в основной капитал	17,1	28	50,4	29	108,4	35
Сальдо вывоза и ввоза	+12,6	21	+11,4	9	+13,9	5

Таблица 8

Потребление воды и энергии в Республике Коми

Показатель	Год					
	1985	1990	1995	2000	2005	2008
Забор воды из природных водных объектов для использования, млн м ³	753	852	812	706	627	583
Потребление энергоресурсов (за исключением идущих в обрабатывающую промышленность в виде сырья), млн т. у. т	12,8	13,9	9,5	9,4	10,0	10,6
Потребление электричества, млрд кВт·ч	8,7	10,0	7,9	7,8	8,0	8,8
Кэфф. энерго-топ., млрд кВт·ч, млн т. у. т.	680	799	831	829	800	830

мики. Такими являются потребление воды и энергии (табл. 8). В кризисной ситуации водное и энергетическое хозяйства служат своего рода страховщиками, сохраняя резервы для будущего роста. При этом мало внимания обращается на сбережение ресурсов. Наоборот, в годы стабильной и растущей экономики энерго- и водосбережение становится актуальным. Для измерения уровня технологического развития мы используем энерготопливный коэффициент: в годы движения к углубленной электрификации производства этот коэффициент увеличивается весьма заметно (в 1970 г. его величина была 443, в 1990 г. — 799 у. е.), но затем стабилизируется. Можно предположить, что когда технология производства приобретет новое качество на основе энергии высокого потенциала, сдвиги данного показателя вновь будут более заметными.

Весьма существенные изменения произошли в организации производства и потребления.

Организационная структура производства стала как бы зеркальным отражением его технологического устройства. Низовые организационные единицы оформились в виде обществ с ограниченной ответственностью, осуществляющих, например, общую геологоразведку, бурение, глубокое бурение, различные виды технических и социальных сервисных услуг (энергохозяйство, теплехозяйство, автохозяйство, проектирование и пр.). Такие ООО являются самостоятельными хозяйствующими субъектами и вместе с тем строго соподчинены регламенту работы среднего звена — открытым акционерным обществам (ОАО), владеющими основной частью природно-ресурсных и финансовых активов. В свою очередь, они входят в верхний эшелон управления — крупные национальные и (или) транснациональные компании. Дробность усиливается еще по двум направлениям: непрофильные активы (как правило, вспомогательные и обслуживающие производства) выводятся за пределы основного предприятия в качестве «малого бизнеса»; единое предприятие, работающее в двух субъектах РФ (например, в Республике Коми и Ненецком автономном округе), иногда делится на два предприятия, чтобы пропорционально платить налоги в территориальные бюджеты.

Если посмотреть на все показатели статистики, то увидим, что самый высокий рост имеет число юридических лиц. В Республике в 2006 г. их было 1445,0, а на начало 2011 г. — 2135,7

(рост 1,48 раза). Добычей полезных ископаемых занято 240 организаций, в том числе, угля — 21, сырой нефти и природного газа, предоставлением услуг в этих областях — 164, лесозаготовками — 577, сельским хозяйством, охотой и лесным хозяйством — 1129.

Такого рода дробность оргструктур однозначно оценить нельзя. Там, где она «вписана» в общую производственную систему с развитой схемой субподряда, результат, как правило, в целом положительный, хотя имеются сверхнормативные транзакционные издержки. Последние статистика непосредственно не учитывает, но их масштаб можно понять из доли «прочих затрат»: в нефтедобывающей промышленности — до 65% в России и 60% в Республике Коми, в газовой соответственно — до 66 и 10% процентов. Региональные нефтедобывающие компании, более самостоятельные в бухгалтерском учете, чем газовые, которые весьма жестко соподчинены Газпрому. Отрицательный же результат имеют небольшие предприятия, не связанные технологически и экономически с крупными. Это в большей мере присуще лесозаготовкам.

Организация потребления также имеет плюсы и минусы. За последние годы получило развитие индивидуальное предпринимательство, организовано множество малых предприятий, что и соответствует общим тенденциям рыночной экономики. Недостатки здесь обусловлены низким уровнем технологичности и качества оказания услуг, их дороговизной (особенно в жилищно-коммунальном хозяйстве) и наличием огромного количества паразитирующих посредников.

Доходы и расходы. Социальная стратификация

В Республике Коми, как и в России в целом, происходит расслоение населения по уровню доходов не на почве роста общественной производительности труда и возвышения потребностей, а в силу разрушения системы мотивации к производительному труду, снижения эффективности производства, стресса и борьбы за физическое выживание одних групп населения, деления сфер экономического влияния и нетрудового обогащения — других. Последние уяснили выгоды революционного реформирования и осознанно заняли ведущие политико-экономические позиции, первые — длительное время не понимали серьезности последствий буржуазно-

Таблица 9
Индикаторы уровня жизни населения Республики Коми

Показатель	1998	2000	2005	2008
Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, %	16,1	26,3	15,3	15,9
Соотношение с величиной прожиточного минимума среднедушевых денежных доходов, %	260	211	310	305
Коэффициент дифференциации доходов, раз	14,5	14,5	17,4	17,5
Индекс концентрации доходов (коэфф. Джини)	0,403	0,402	0,427	0,428

демократической революции и должным образом не оценили свою роль в системе новых движущих сил развития общества. Пример 1992 г.: разрыв между 10%-ной высоко и низкодоходной группой семей в первом квартале был, примерно, 10-кратный, во втором в 12 раз, в третьем — 18, четвертом — 20 раз.

Насколько существенно удалось преодолеть результат социально-экономического произвола прошлых лет?

Ответ на данный вопрос виден в табл. 9. По относительным показателям уровня доходов населения в целом положительные сдвиги в республике наблюдаются после 2000 г. Реальные душевые денежные доходы максимально увеличились в 2001 г. (126%); средний рост в 2001–2006 гг. (108–109%); снизились в 2008 г., когда начался финансовый кризис (99,1% к предыдущему 2007 г.).

Есть и другие положительные примеры роста доходов населения. Правда, и в настоящее время наблюдается не только чрезмерный разрыв в уровнях доходов, но и такие явления, как социальная напряженность, пессимизм, апатия, ориентация на меркантильность, псевдокультуру и другие «негативные ценности» жизни.

Социальная стратификация населения в определенной мере проявляется и в расходах населения. Их структура примечательна тем, что люди с наименьшими доходами тратят на питание (по данным 2008 г.) 50,5% своих расходов, наибольшими — 16,2%; аналогичные данные о доле покупок непродовольственных товаров — 17,7 и 67,3%.

В Республике Коми предпринимались попытки сгладить социальные различия законодательным путем, например, через регулирование соотношений в размерах заработной платы или

путем нормирования предельных торговых надбавок к цене товара. Но эти попытки не удалось практически реализовать в силу лоббизма со стороны бизнеса, либо несоответствия регионального законодательства федеральному.

Территориальная структура хозяйства

В республике преобладает узловая форма размещения производительных сил: примерно 65% производства и инвестиций сосредоточено в хозяйственных узлах, расположенных вдоль железной дороги, 25% — в отдельных центрах (очагах) и 10% — линейно (вдоль рек и автомобильных дорог). Поэтому более половины общей площади не охвачено хозяйством и этот факт является необходимой реальностью. Во-первых, в ряде мест нет достаточных экономических предпосылок для расселения населения, во-вторых, значительная часть территории «оформлена» в виде национальных парков, заповедников и заказников. В системе географического разделения труда экологическая функция для республики является одной из основных.

Сформировались очаги хозяйственной деятельности под влиянием определенных производств и их тяготения к ведущим центрам. К ним относятся: Воркута-Интинский (уголь), Печоро-Усинский (нефть и р.Печора как транспортный путь), Ухта-Сосногорский (газ, транспорт нефти и газа, горнорудная промышленность) и Сыктывкарский (лес и лесопереработка, АПК, автотранспорт, административные функции).

Население каждого из них тесно связано с условиями развития указанных отраслей, их экономическим статусом и корпоративной политикой. Это же в значительной мере предопределяет расслоение районов по величине финансового дохода, уровню жизни, характеру миграции и т. д. Велика социально-экономическая дифференциация и внутри указанных районов, что предопределено характером расселения населения. Положение указанных четырех внутриреспубликанских районов в общей структуре хозяйства отражено в табл. 10.

Вполне естественно, что динамика территориальной структуры хозяйства республики на фоне общих социально-экономических процессов показывает разную степень проблемности угольной промышленности в арктической зоне, нефтегазового комплекса в зонах лесотундры и крайней северной тайги, переработки полезных ископаемых в северотаежной зоне, сельского

Таблица 10

Распределение численности населения и занятых в отраслях хозяйства Республики Коми по внутриреспубликанским экономическим районам, в % на начало года

Внутриреспубликанский район	Население			Занятые		
	2001	2006	2010	2001	2006	2010
Воркута-Интинский	18,4	16,9	15,4	19,2	15,4	14,3
Печоро-Усинский	15,3	15,4	15,2	15,4	15,6	15,7
Ухта-Сосногорский	24,0	24,2	24,4	23,5	24,3	24,5
Сыктывкарский	42,3	43,5	45,0	41,9	44,7	45,5

хозяйства, лесозаготовок и деревообработки освоенных таежных, в том числе южнотаежных, территорий.

Проблемность заключается не только в разной реакции на экономический кризис и его преодоление, но и в степени готовности встать на путь естественноисторического развития. Дело в том, что в истории освоения природных ресурсов Крайнего Севера было чрезмерно много лишнего и бесчеловечного (например, ГУЛАГ).

Избавление от прошлого негатива — дело болезненное. Ситуация была бы социально справедливой, если сокращение населения и производства в поселениях Крайнего Севера сопровождалось существенным повышением благоустройства оставшихся здесь жить и работать.

Экономический федерализм

Социально-экономическое положение отдельно взятого региона России во многом зависит от норм и правил экономического федерализма — распределения налоговых и бюджетных полномочий по уровням государственной и муниципальной власти. О положении Республики Коми в системе экономического федерализма частично можно судить по данным табл. 11. и 12.

Выделим следующие позиции:

— финансово-экономические отношения между Центром и регионами имеют неустойчивый характер и зависят от многих обстоятельств, например, начиная с 2008 г., от финансового кризиса;

— критика в адрес Центра по поводу чрезмерной концентрации финансовых ресурсов в федеральном бюджете нуждается в детализации. Во-первых, по общему итогу, как показывают данные по Республике Коми, централизация не столь значительна и ее можно было бы считать справедливой, если бы бюджет республики не имел дефицита (2008 и 2009 гг.). Во-вторых, централизация способствует в лучшей

Таблица 11

Финансовые ресурсы Республики Коми (взаимоотношения с федеральным уровнем власти), млрд руб. в текущих ценах

Показатель	2000	2005	2008	2009
Финансовые ресурсы	37,7	82,4	129,3	164,4
Средства, переданные на федеральный уровень (минус)	-7,8	-49,5	-75,8	-45,6
Средства, полученные с федерального уровня (плюс)	4,0	18,7	37,9	51,7
Сальдо переданных и полученных средств по бюджетной линии	-3,8	-30,8	-37,9	+6,1
Сальдо переданных и полученных средств по внебюджетной линии	-4,9	+13,2	+10,3	-28,9
Использование финансовых ресурсов в республике	29,0	64,8	135,7	141,6

Таблица 12

Налоги, сборы и иные обязательные платежи, уплаченные в Республике Коми в бюджетную систему Российской Федерации, млрд руб. в текущих ценах

Показатели	2000	2005	2008	2009	2010
Налоговые платежи*	15,9	60,1	103,4	69,7	80,4
в том числе в консолидированный бюджет республики	9,1	20,6	36,1	34,1	38,2
из него в бюджеты муниципалитетов	...	3,0	6,6	6,9	7,6
в федеральный бюджет	6,8	39,5	67,3	35,6	42,2
Доля перечислений в федеральный бюджет, %	42,8	65,7	65,1	51,1	52,5

*без единого социального налога и страховых взносов на обязательное пенсионное страхование.

мере преодолевать последствия финансовых кризисов, природных и техногенных катастроф (пример 2010 г.). В-третьих (и здесь надо сказать «однако»), чрезмерная централизация, действительно нуждается в серьезной критике, поскольку она осуществляется главным образом за счет природно-ресурсных налогов и платежей, что не мобилизует регионы на комплексное освоение и использование полезных ископаемых и биологических богатств¹. Почти полная централизация налога на добычу полезных ископаемых нарушает принцип равноправия в системе экономического федерализма;

— региональные и местные бюджеты находятся в ущербном положении не только в силу непропорционального распределения налогов, но и потому, что «не имеют полного учета объектов налогообложения и не оценена их стоимость ни по земле, ни по имуществу» [4, с.18].

Оценка финансово-экономического кризиса

Первые признаки кризиса стали появляться в четвертом квартале 2008 г.: «затоваривание» угольных и лесозаготовительных предприятий, обвал цен на нефть до 30 долл. за баррель, не-

достаточность оборотных средств и сокращение объемов промышленного производства. Однако глубина его падения в республике по итогам 2009 г. оказалась незначительной (98,6%); в России — 89,2%. Кризис более всего проявился в финансовой сфере: сокращении налоговых поступлений, особенно по налогу на прибыль (в 2009 г. по сравнению с 2008 г. — на 25%) и на добычу полезных ископаемых (соответственно на 44%). Результат — секвестирование бюджета республики в апреле 2009 г. на 6,5 млрд руб., в сентябре — еще на 1,5 млрд руб.

Наиболее негативно финансово-экономический кризис сказался на социально-экономическом положении городов и районов монопрофильной специализации. Поскольку монопрофильность характерна для Севера по естественным причинам, то именно ей в оценке кризиса было уделено наибольшее внимание. Авторская позиция здесь заключается в следующем:

— антикризисные мероприятия, активно проводимые всеми органами управления хозяйством республики, по сути, являются экстренной реакцией на уже случившееся финансовое неблагополучие. Но их следовало бы проводить заблаговременно на основе познания природы экономической цикличности и совершенствования нормативного регулирования отношений между корпорациями и территориями с учетом такой цикличности;

— стандартное антикризисное мероприятие — создание дополнительных рабочих мест за счет строительства новых предприятий и рас-

¹ В 1990-х гг. в консолидированных бюджетах субъектов РФ сосредотачивалось от 75–85% всех платежей за пользование природными ресурсами, в 2003 г. эта доля упала до 35%, а в 2008 г. — до 20%. В Республике Коми: 2000 г. — 61%, 2009 г. — 6%, 2010 г. — 1%. В суммарных консолидированных бюджетах северных регионов, где добывающая промышленность является профилирующей, доля доходов от использования природных ресурсов составляет от 15 до 1%; в Республике Коми: 2008 г. — 6%, 2009 г. — 3%, 2010 г. — 1%.

ширения существующих производств — в условиях Севера малоэффективно. После кризиса такие предприятия и производства, созданные «на скорую руку», с большей долей вероятности станут неконкурентоспособными. Генеральным направлением является все же оптимизация количества и качества рабочих мест на основе научно-технического прогресса в природно-ресурсных отраслях хозяйства и в сфере услуг;

— антикризисную роль играет межрегиональная и — при определенных условиях — межстрановая интеграция. Республика Коми удачно вписывается в экономику Северо-Западного и Уральского федеральных округов, а также Финляндии, Швеции и Норвегии. Общие задачи по освоению природных ресурсов Севера и Арктики, в том числе по проектам Баренц-региона, являются мощным стимулом для ее социально-экономического развития.

На пути к инновационной экономике

По логике экономического анализа к инновациям следовало бы подвести разделы кадровой, финансовой и инвестиционной политики. Но это весьма объемный научно-аналитический материал, который заслуживает специального рассмотрения. В рамках данной работы это сделать невозможно, поэтому мы будем исходить как бы из итоговых результатов: кадровая политика в республике активизируется, особенно в части профессионального образования; финансовый потенциал нуждается в укреплении за счет совершенствования межбюджетных отношений, формирования внебюджетных фондов, более активной кредитной политики, а также (как отмечено выше) амортизационной; инвестиционный рейтинг республики существенно повысился, что соответствует ускоренному росту капитальных вложений (в 2000 г. — 183,4%, 2005 г. — 131,4%, 2008 г. — 113,9%, но (как результат завершения крупных проектов реконструкции производства) 2010 г. — 91,2%). Однако инвестиционный потенциал не полностью соответствует требованиям инновационной деятельности, а именно — 60% инвестиций в основной капитал используется на строительство зданий и сооружений и лишь 29% — на покупку и модернизацию машин, оборудования и транспортных средств.

Главное, что удалось доказать, заключается в следующем: хозяйство северных регионов наукоемко; в природно-ресурсных отраслях можно

получать новые продукты, конкурентоспособные на мировых рынках; технологии по добыче и переработке сырья все в большей мере основываются на прогрессивных научно-технических достижениях в области электроники, механики, химии, микробиологии и других отраслей знаний. Развитие (как смена качества) отражается не столько в темпах роста ВРП, сколько в активной работе по освоению новых знаний.

На Севере, в том числе и Республике Коми, особое внимание следует обратить на поиск новых технологических методов разведки месторождений полезных ископаемых, их максимального извлечения и комплексного использования, обеспечение экологической безопасности освоения ресурсов, производство морозостойких полимерных композиционных материалов, проектирование машин и механизмов, конструкций и сооружений, пригодных к эксплуатации в сложных и экстремальных природных условиях, разработку новых технологий строительства дорог, ледовых переправ и зимников.

Конечно, это неполный перечень точек роста, но даже в таком виде он демонстрирует актуальность решения научно-технических проблем Севера. В указанных направлениях заключена не только будущая проблематика, но и реальные достижения настоящего времени, которые в значительной мере уже подготовлены для практического применения.

Укажем лишь в общих чертах на подготовленные наукой направления инновационной экономики в Республике Коми.

1. Топливный комплекс. Для развития Печорского угольного бассейна актуальными являются новые технологии в части комплексного использования крупных запасов углей зольных и труднообогащаемых коксующихся марок, утилизации метана, получения жидкого синтетического топлива, производства адсорбентов, углеграфитовых материалов и термографитов. Заблаговременно нужно оценить вероятность перехода на бескоксовую металлургию и вытекающую отсюда необходимость широкого развития углехимии.

2. Будущее Тимано-Печорской нефтегазодобывающей провинции во многом зависит от использования новых принципов разработки сложных по составу месторождений нефти, методов утилизации попутного и растворенного газа, комплексного использования парафина. Необходимо увеличить извлечение этана, бутана, пропана,

сероводородов и организовать на этой основе производство полихлорвинила, пластмасс, газовой серы и других продуктов.

3. Горно-металлургический комплекс. Технологическое развитие здесь нацелено не только на улучшение его традиционной структуры (например, получение глинозема, марганца и баритов и др.), но и производство новых видов материалов, например, разнообразных керамик, каменного литья, базальтового и оптического волокна, искусственных кристаллов, синтетических изделий.

4. Лесной и аграрный сектора хозяйства. Реализация инноваций в лесном хозяйстве связана с биотехнологией и лесохимией. В настоящее время имеются достаточно научно обоснованные технологии с использованием методов эмульсионной экстракции, гидролиза, окисления, карбоксилирования и других, которые позволяют комплексно перерабатывать древесную зелень в ценные биологически активные вещества и пищевые добавки. Биотехнология весьма перспективна в переработке тех растений, которые являются источником полисахаридов, обладающих иммуномодулирующей активностью и выраженным действием на эндокринную и сердечно-сосудистую системы организма.

Необходима государственная поддержка в техническом перевооружении и строительстве новых перерабатывающих предприятий и цехов по выпуску мясной, молочной, хлебобулочной

продукции, в развитии закупочно-заготовительной и снабженческо-сбытовой сети, факторийных форм торговли и обмена в местах проживания и хозяйственной деятельности коренных народов Севера.

Новые достижения в сельском хозяйстве северных территорий связаны с использованием отечественной грядково-ленточной и голландской технологий возделывания картофеля, финской технологии выращивания рассады и посадки капусты, а также технологий хранения овощей, в том числе с использованием льда в качестве конструкционного материала хранилищ. Получены новые научные результаты и накоплен практический опыт повышения продуктивности пород скота, однако широкого распространения они пока не получили из-за почти полного отсутствия у сельхозпредприятий финансовых ресурсов.

Приведенные выше материалы позволяют сделать весьма важный вывод: научно-технический прогресс и инновации — это и есть новые направления производительных сил Республики Коми. Как видим, они тесно связаны с природно-ресурсной экономикой, делают ее более наукоемкой, а следовательно, и более конкурентоспособной на внутреннем и внешнем рынках. Но еще важнее их связь с возвышением интеллектуального потенциала населения, что чрезвычайно важно для обеспечения устойчивого социально-экономического развития.

Список источников

1. Лаженцев В. Н. Тимано-Печорский ТПК как квазикорпорация // Директор. — 2002. — № 7. — С. 52-55.
2. Лаженцев В. Н., Дмитриева Т. Е. География и практика территориального хозяйствования. — Екатеринбург : УИФ «Наука», 1993. — 137 с.
3. Макаров В. Л. Социальный кластеризм. Российский вызов. — М. : Бизнес Атлас, 2010. — 272 с.
4. Татаркин А. И., Бочко В. С. Антикризисное развитие территорий // Экономика региона. — 2009. — № 2. — С. 7-21.
5. Шемяков А. Ю. Социальная политика и реформирование распределительных отношений // Вестник РАН. — 2007. Т. 77. — № 33. — С. 195-210.

Информация об авторе

Лаженцев Виталий Николаевич (Сыктывкар) — член-корреспондент РАН, доктор географических наук, профессор, директор Учреждения Российской академии наук Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения РАН (167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26, e-mail: lazhtentsev@iespn.komisc.ru).

V. N. Lazhtentsev

Corresponding Member of RAS, Doctor of Geographical Sciences, Professor
Institution of the Russian Academy of Sciences, Institute for socio-economic and energy problems of the North Komi at the Scientific Center, Ural Branch of RAS

Komi Republic at the border of the XX and XXI centuries (the problems of socio-economic development)

The paper analyzes the problems of socio-economic development of the Komi Republic in the first decade of the XXI century. The pass through problems (demographic crisis, aging of the fixed assets, disproportions of reproduction) and new problems related to the reorganization of the property management systems and the production, differentiation of people's incomes and expenditures, violation

of the principles of economic federalism and financial crisis are highlighted. Solving of these problems is linked to the innovative development of the productive forces of the republic and the strengthening of interregional economic integration.

Keywords: Komi Republic jubilee, historical heritage, demographics, material and technical infrastructure and the organization of production, social stratification, economic federalism, financial crisis, future innovations

References

1. Lazhentsev V. N. (2002). Timano-Pechorskiy TPK kak kvazikorporatsiya [Timan-Pechora territorial production complex as a quasicorporation]. Direktor, 7, 52-55.
2. Lazhentsev V. N., Dmitrieva T. E. (1993). Geografiya i praktika territorial'nogo khozyaystvovaniya [Geography and practice of territorial management]. Ekaterinburg: UIF «Nauka».
3. Makarov V. L. (2010). Sotsial'nyy klasterizm. Rossiyskiy vyzov [Social clusterizm. The Russian challenge]. Moscow : Biznes Atlas.
4. Tatarkin A. I., Bochko V. S. (2009). Antikrizisnoe razvitie territoriy [Anticrisis development of territories]. Ekonomika regiona, 2, 7-21.
5. Shevyakov A. Yu. (2007) Sotsial'naya politika i reformirovanie raspredelitel'nykh otnosheniy [Social policy and the reforms of distributive relations]. Vestnik RAN, Vol. 77, 33, 195-210.

Information about the author

Lazhentsev Vitaliy Nikolaevich (Syktyvkar) — Corresponding Member of RAS, Doctor of Geographical Sciences, Professor, Director of the Institution of the Russian Academy of Sciences, Institute for socio-economic and energy problems of the North Komi at the Scientific Center, Ural Branch of RAS (167982, Syktyvkar, Kommunisticheskaya St. 26, e-mail: lazhentsev@iespn.komisc.ru).